

ЭТО МГНОВЕНИЕ...

ИХ АКТЕРСКАЯ ЮНОСТЬ

Кто в Ростове не знает народных артистов РСФСР Петра Григорьевича Лободу и Вильяма Зиновьевича Шатуновского? Они завоевали верную и испытанную любовь наших зрителей.

Один из них — Вильям Зиновьевич — вчера отметил свое шестидесятилетие.

Я не видел их на сцене молодыми: когда они стали актерами, меня еще не было на свете. Но, работая над очерками, посвященными истории донской культуры, я не мог пройти мимо любопытных материалов, которые встречались мне в архивах, которые передали мне те, рядом с кем Петр Лобода и Вильям Шатуновский начали свою творческую жизнь.

В Ростовском театре рабочей молодежи, созданном в 1929 году, сыграли эти артисты первые значительные роли на профессиональной сцене. А работа в спектакле «Чапаев» (по мотивам романа Д. Фурманова) стала для Лободы и Шатуновского серьезным экзаменом на профессиональную и гражданскую зрелость.

На снимке внизу вы видите двух главных действующих лиц этого спектакля — наддива Василия Ивановича Чапаева (П. Лобода) и комиссара Ключкова (В. Шатуновский).

Мне кажется, что фотография передает не только характеры, созданные молодыми артистами, но и атмосферу самого спектакля, пронизанного вечным ожиданием боя. Да разве только ожиданием? В ритме сражения, в стремительном темпе кавалерийской атаки был поставлен Борисом Фателевичем этот спектакль, успешно шедший на ростовской сцене и после выхода на экран знаменитого фильма братьев Васильевых «Чапаев».

Композитор Павел Эммануилович Гутин, работавший в Ростовском ТРАМе заведующим музыкальной частью, вспоминает:

— В дни праздничных демонстраций мы, трамвайцы, выезжали на конях целым эскадроном. Подъезжали к парку имени Горького, и тут я или еще кто-нибудь как гаркнет: «Тихо! Василий Иванович говорить будет!». Ну, тут Петя Лобода вставал

на стременах и начинал речевой монолог из спектакля. Люди слушали его, затаив дыхание. Очень уж подходил Лобода для этой роли...

Вот один из тех огненных монологов:

— ...Я с вами сам и навсегда вперед, а если грозит опасность, так первому она попадает мне самому. Первая-то пуля мне летит... А душа ведь жизни просит, умирать-то кому же охота? Я поэтому и выберу место, чтобы все вы были целы, да самому не погибнуть напрасно... Вот как мы воюем, товарищи.

В. З. Шатуновский сыграл в «Чапаеве» совершенно неожиданную, непривычную для себя роль рассудительного и очень спокойного человека — комиссара Ключкова, способного «оседлать», если потребуется, необузданный нрав самого Василия Ивановича. Эта роль была тем более непривычной, что в том же ТРАМе Шатуновскому приходилось играть лирическую роль Илюши Солнышкина — юного человека с удивленно раскрытыми глазами, с сердцем, распахнутым для радости и любви... Этим спектаклем по пьесе А. Арбузова «Дальняя дорога» о комсомольцах-метростроевцах Шатуновский открыл для себя новую грань своего крепнущего мастерства, а театр — новую тему: тему созидания, и не только городов и заводов, а прежде всего — созидания нового характера.

...Вы помните Костю-кап-

тана из погодинской пьесы «Аристократы»? Вы помните, как Костя-капитан, прославленный «деятель» уголовного мира, впервые ступает на землю будущего Беломорско-Балтийского канала? Чекист предлагает ему: «Подходи записываться!» И Костя говорит сам себе:

— По какой фамилии меня судили? Гребешков, Блюм, Овчинников? Все биографии перепутались. Что за вопросы? Запишусь на фамилию своего папы. Костя Дорохов... Десять лет строгой изоляции и девять женимостей... Вы записываете в этот рай? Скажите, бесплатно или требуются гербовые марки?..

Лободу — Косте-капитану и П. И. Петрову, игравшей роль Сони, предстояло показать труднейшее восхождение их героев на вершины человеческой честности и нравственности. С этой задачей, судя по рецензиям и воспоминаниям тех, кто видел этот спектакль, молодые актеры справились, и лучшим подтверждением их удаче, их успеха может служить один маленький эпизод из биографии Петра Григорьевича Лободы. Я расскажу его так, как самому довелось услышать.

В тридцатые годы в Ростове было еще немало людей, жизненная судьба которых напоминала судьбу Кости-капитана. Только он-то уже преодолел в себе все, что мешало ему стать полезным для общества человеком. В финале спектакля Костя-капитан говорит: «...Рассодия еще не

сыграна, мы не взяли всех нот. Кое-кто еще сорвется. Большевики это отлично знают. Жизнь очень трудная консерватория, в особенности для таких элементов, как мы...».

Из зрительного зала со спектакля «Аристократы» уходили люди, которым еще предстояло пройти путь Кости-капитана, а пока они пребывали в рядах ловкой ростовской шпаны. И однажды, когда уставший после спектакля Лобода возвращался домой, «в темном переулке» повстречались ему трое. Они потребовали снять часы, пиджак, рубашку... Потом кто-то из них, побывавший на спектакле, и, может быть, даже поплакавший в театре над своей незадачливой судьбой, узнал актера. «Стоп, — сказал он. — У этого человека мы ничего не возьмем. Это же наш Костя-капитан, жлобы! Хорошо, среди вас я оказался один такой грамотный. Прощай, гражданин актер. Артистов, адвокатов и докторов мы не обижаем».

Недавно я спросил Петра Григорьевича:

— Был такой эпизод?

— Что уж скрывать, было дело. Причем, когда они снимали с моей руки часы, я не очень переживал. Мне, актеру, было интересно заглянуть в глаза этих странных для меня людей. Ведь человека из их среды я играл на сцене, а тут — настоящие «аристократы», из подворотни. Вот я и не спешил расстаться с ними.

...Два мгновения из большой творческой жизни талантливых актеров ожили перед вами, и, заканчивая свой рассказ, я хочу привести слова из песни П. Э. Гутина о ростовских трамвайцах:

Ребята, я спою про нашу юность,

Хотя сегодня нам под шестьдесят...

Мне почему-то чуточку взгрустнулось,

Я оглянусь, я погляжу назад.

Я снова выхожу на сцену ТРАМа —

Театра комсомольцев тех лет.

Он был для нас надеждой и отрадой, —

Другой дороги не было и нет...

Ю. НЕМИРОВ.

